

Нет весте

Собираясь в Камбоджу, вы будете ежедневно успокаивать родителей и друзей: нет, на минные поля я не поеду, прививки сделал, роуминг есть, страховка оплачена. Эта страна до сих пор не оправилась от страшного режима красных кхмеров, но и болезненного очарования французского Индокитая она тоже не потеряла. 🌿 Текст: **Софья Корниенко**

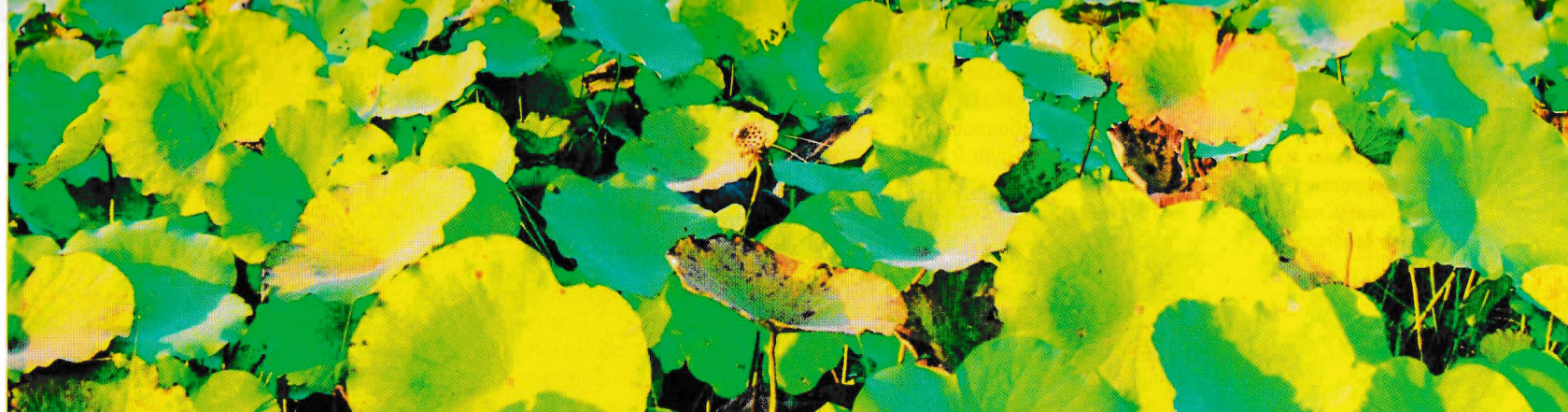
Храмовый комплекс в Ангоре – единственная мирового уровня достопримечательность Камбоджи. Чтобы спокойно осмотреть храмы Ангор Ват, Байон, Ангор Том и Бантей Срей, хватит трех дней: храмы расположены россыпью, до некоторых можно добраться только на мотоцикле. Единый билет на три дня стоит \$40.

КНИЖКУ С ВОСПОМИНАНИЯМИ ДЕТЕЙ, переживших режим красных кхмеров (Анка), я приобрела у одноногого лоточника в Пномпене за четыре доллара. Это был наш первый вечер в камбоджийской столице, которая, несмотря на свою трагическую историю, не утратила французского колониального шарма. Белые иностранцы, а также камбоджийцы, бежавшие тридцать лет назад в Америку и теперь отдыхающие на исторической родине, лениво ужинали на разноцветных, украшенных к европейскому новому году лампочками террасах вдоль променада на берегу реки Меконг. За бокалом неплохого красного я выискивала в меню с картинками безопасную курицу (рыбу и моллюсков лучше не заказывать в пресноводной части страны), а в голове плотным туманом набухло слово «декаданс», от которого мне впервые в жизни стало стыдно. О том, что я не в Каннах, напоминали одноногие лоточники – лоточники в Камбодже почти все одноногие, подорвавшиеся на минах бывшие крестьянские дети, – и жирная серая крыса. Она вышла из своей норы в стене ресторана, где, судя по ее упитанности, жила давно и недурно. Аппетит пропал. Не оставалось ничего иного, как заплатить свои пятнадцать долларов за ужин и бежать.

В конце концов, есть множество иных способов скоротать вечер в Пномпене. Можно отправиться на знаменитый Русский рынок перед самым закрытием и закупить невероятно дешевых перстней и подвесок с настоящими драгоценными камнями. Затем можно два часа кряду просидеть у закрывшегося на ночь Национального Музея и терпеливо ждать, когда в сумерках из-под крыши начнут вылетать, вереща, летучие мыши недавно открытой местной породы. А затем пойти в кафе Friends, расположившееся прямо рядом с музеем в помещении какого-то старого склада. В этом кафе нанимают на работу уличных подростков и учат их готовить необыкновенные закуски.

На следующее утро у выхода из гостиницы нас уже ждет водитель тук-тука Боран, с которым мы познакомились накануне. «Сначала поедем на Поля смерти, а потом – в Музей геноцида», – сообщает Боран, надевая шлем. По дороге, которой раньше не было – арестованных вели пешком, узнаю, что родители Борана были партизанами в армии сопротивления и оба выжили. Борану столько же лет, сколько и мне, – двадцать семь, т.е. он – камбоджийский бэби-бумер, родившийся в год свержения Пол Пота. Половина населения Камбоджи моложе семнад-

Фото: Алла Калиновская, Софья Корниенко

И от Бога

цати лет. Остальные, в основном, наши ровесники. У Борана есть жена и маленькая дочка. Он показывает видеозапись дочки на мобильном телефоне. Дальше едем молча.

В полуденном мареве колышется, словно мираж, небесной красоты пагода. Я снимаю кеды, покупаю за доллар ароматическую палочку и втыкаю ее, дымящую дурманом, в урну с песком у входа. Здесь ритуал заканчивается. Остается только смотреть.

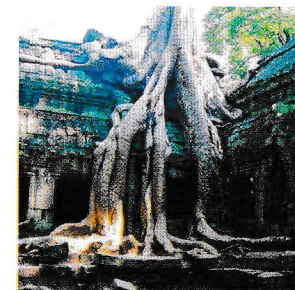
ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Началось собрание. Детей посадили в первом ряду, чтобы им было лучше видно. Собрание проходило в старом храме. «Тот, кто предаст Анка, будет казнен. Эти люди – предатели. Мы не хотим, чтобы вы следовали их примеру». С такими словами юные солдаты Анка вывели заключенных и вновь заорали в микрофон: «Если кто-то заплачет или выразит сочувствие этим людям, он будет наказан точно так же, как они!». «Люди! За что же это? Я же работаю с утра до ночи, как все, только чтобы не убили. Это несправедливо!» – арестованный не успел договорить. Один из солдат ударил его лопатой по голове, и тот упал лицом вниз. Шел дождь. И вдруг мы увидели, как струи дождя на земле превратились в кровь. Тогда солдат взял нож, распорол заключенному живот и достал его внутренности. Нас заставили смотреть, и было больно, как будто это мне распорол живот. «Мальчики и девочки, вы все видели своими глазами. Если вам жалко этого предателя, с вами поступят так же».

Многоэтажная пагода изнутри целиком наполнена человеческими черепами. Это не черепа людей, обнаруженные при археологических раскопках. Все эти люди могли бы быть живы сейчас, сегодня. Все до одного умерли после долгих пыток. Они сами рыли себе рвы. Их убийцы, а убийцами в основном были дети, не знавшие еще ни любви, ни боли утраты, посыпали рвы, полные тел, ядом, «для дезинфекции и умерщвления еще живых». Теперь эти братские могилы пусты и поросли густой мягкой травой. В них резвятся стайки бабочек, которых в Камбодже особенно много. Разноцветные, бархатные, крупные бабочки. Говорят, что бабочки помогают не бояться смерти. Еврейские дети в Освенциме тоже рисовали бабочек.

Камбоджа – страна детей. Она стала страной детей уже тогда, в 70-е, когда дети в черных пижамах убивали собственных родителей, и остается ею сейчас, когда растянувшиеся на километры стайки в нарядных школьных формах шагают вдоль дороги, едут на старых взрослых велосипедах и весело кричат «Бай!», которое им легче выговорить, чем «Хэлло!». Даже самая страшная тюрьма S-21, ставшая впоследствии Музеем геноцида с тысячами фотографий жертв, скрупулезно заснятых юными инквизиторами до и после пыток, раньше была типовой пномпеньской средней школой. На верхнем этаже я нашла на стене нацарапанные во время перемены рисунки и дату – март 1974-го.

Паром из Сиенреапа в Баттамбанг идет около восьми часов. Идет очень медленно, иногда пробираясь сквозь такие густые заросли вдоль реки, что ветки больно хлещут по расплывшимся на солнце телам пассажиров

В Пномпене для туристов открыты Королевский дворец, Национальный музей и страшные мемориалы жертвам полпотовского режима.

По дорогам Камбоджи следует передвигаться только с проводником: в дальних районах еще не все разминировано; путешествовать по воде несколько безопаснее.

на крыше. На крыше ехать приятнее, здесь меньше ощущается ледяной ветер утром и запахи из тарелок вечно жующих что-то камбоджийцев днем. Если камбоджиец не успевает пообедать перед уходом, он просто берет тарелку с супом с собой на улицу и ест на ходу.

На крыше парома в основном туристы. На следующий день они лежат в гостиничных постелях с солнечным ударом, но это не страшно, так как в разрекламированном во всех путеводителях «колониальном раю» Баттабанге смотреть откровенно нечего. Не мытые со времен войны французские особняки завешены рекламными плакатами с Аленом Делоном.

Само путешествие на пароме стоит солнечного удара. Плавающие деревни сменяют примитивные рыбацкие поселения из маленьких тростниковых лодок, в которых живут всей семьей. Суши вообще нет. Люди едят и спят в лодке, а все остальное время по шею в мутной воде собирают и вновь расставляют сети. На детях нет одежды. Нужду они спрашивают туда же, где расставляют сети (по этой причине в Камбодже распространены паразиты, и пресноводную рыбу лучше не есть). Их жизнь как две капли воды похожа на жизнь их родителей, и родителей их родителей, и предков, которые населяли эти места тысячу лет назад. За одним исключением. С заразительным восторгом и страстью, словно в этом и состоит смысл их существования, они собираются вдоль речного русла, где один раз в день проходит паром, чтобы истоиво размахивать руками, прыгать и кричать: «Бай!».

Туристов в Камбодже еще мало, около тысячи в день. Отчасти это связано с тем, что на въезде в страну из соседнего Таиланда заканчивается дорога. Страна открыла свои границы меньше десяти лет назад, и дорогу построить не успели. Дальше можно проехать только на джипе. Разумеется, об этом обстоятельстве умалчивается, когда в Бангкоке ты

ПРАКТИЧЕСКОЕ

Виза. Камбоджийская виза стоит \$20 и ставится прямо в аэропорту Пномпеня и на контрольно-пропускных пунктах на границе с Таиландом и Вьетнамом (потребуется две фотографии). При въезде в Камбоджу из Лаоса о визе следует позаботиться заранее (посольство Камбоджи в Москве находится по адресу: Старококонь-шенный пер., 16, (495) 201 47 36, (495) 201 39 25).

Валюта. Камбоджийская валюта называется «риель» и обозначается строчной латинской буквой «r» после суммы (\$1 = 3500 r). В большинстве магазинов, гостиниц и ресторанов охотно примут оплату в долларах, но помните, что многие камбоджийцы никогда не видели купюр в \$50 и у них уж точно не будет сдачи даже с \$20. Хороший номер с кондиционером и горячей водой стоит около \$20, пообедать можно за \$5.

Прививки. Рекомендуется сделать прививки от дифтерита, столбняка, гепатита А и тифа. С собой следует взять сильный противомоскитный крем, так как на большей части территории обитают малярийные комары (активны ночью) и переносчики лихорадки комары денге (активны днем).

Медицинская страховка. Это необходимость: в случае серьезной болезни или травмы придется оплачивать дорогостоящую эвакуацию в Таиланд, так как в Камбодже почти нет квалифицированных врачей (всех убили красные кхмеры).

Билет. Проще всего лететь в Камбоджу через Бангкок: из Петербурга и Москвы есть регулярные рейсы «Аэрофлота» и множество чартерных. Из Бангкока в Пномпень или Сиенреап (Ангкор) летают местные авиаконпании. В целом дорога обойдется в \$1400-1600.

покупаешь билет на автобус до Сиенреапа. От тайской границы автобус, как улитка, ползет в красной пыли, то и дело грозя перевернуться, и въезжает в Сиенреап уже полночь, чтобы скормить обессиленным туристам самую захудалую гостиницу на окраине. Добравшись-таки до центра Сиенреапа, мы не могли уснуть, предвкушая одно из чудес света, ради которого и приехали в Камбоджу.

Таинственные храмы Ангкора сейчас проглочены джунглями. Когда-то Ангкор был столицей великой Кхмерской империи: в нее входили соседние Таиланд, Вьетнам и Лаос. Есть часы, когда храмы Ангкора можно рассматривать в полном одиночестве. На обед группы туристов отвозят обратно в Сиенреап, и Ангкор погружается в тишину. Через объектив кинокамеры я наблюдаю за тем, как величие империи медленно переваривают трехсотлетние деревья. Когда-нибудь так же будут выглядеть и Берлин, и Москва.

На верхней колоннаде храма Ангкор Ват любого чужака охватывает страх. Древние ступени лестниц храма совсем истерлись. Когда-то по ним восходили сотни приписанных к храму полуобнаженных танцовщиц. Теперь они — апсары, небесные жрицы — запечатлены на барельефах, с лоснящимися от прикосновений посетителей грудями. У каждой — своя прическа. Присутствие танцовщиц завораживает. На крутом спуске из почти не существующих больше ступеней слишком легко сорваться. Ежегодно храм забирает несколько жизней.

В другой раз страх наполнил мое сердце уже на обратном пути в Таиланд. Мы решили пересечь границу по морю. Из камбоджийского городка Кронг Кох Конг в тайский Трат на космической скорости летит паром. Он задевает носом сильные гребни волн, раскачивается с гигантской амплитудой из стороны в сторону, и мы, вновь разместившиеся на крыше, вот-вот окажемся за бортом. В лицо хлещет соль. Я держусь за низкие перила, чтобы не соскользнуть. У меня под майкой о голое тело трется самое сокровенное из всего материального — паспорт. Я стараюсь думать о приятном. О нескольких днях на диком пляже Бамбукового острова, где стоит всего дюжина маленьких хижин и одна большая. В большой хижине весь день можно полулежать на полу в компании кошек-близнецов, изредка выходя поплавать в чистой теплой бухте. Я знаю, что несколько островов здесь уже купили японцы, а модный пляж в соседнем городе-курорте Сихануквилле — русские. Но пока их время еще не пришло. На моей поцарапанной киноплёнке остались кадры девственного побережья.

Полностью расслабиться удалось под новый год. У самой кромки воды в Сихануквилле. Стоило всего лишь лечь в глубокое круглое кресло и купить кулек маленьких лобстеров с лимоном, похожих на каракатиц. А затем в предзакатной неге попивать молочный коктейль. С кокосом, ананасом, бананом, манго... Я закрываю глаза, и в памяти всплывает одна и та же сцена, увиденная мной при въезде в страну. В пыльной деревне, рядом с баракком, который их родители построили из картонок и целлофановых пакетов, черной ночью вокруг большого ярко-оранжевого костра танцуют голые дети. Я видела империю, от которой не осталось ничего.